

Лакки Стилз

**Развод со Снежным
драконом**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
С80

Стилз Л.

С80 Развод со Снежным драконом / Лакки Стилз. – М.: Литнет, 2026. – 364 с.

ISBN 978-5-521-99122-8

Брак с повелителем снежных драконов был для Лианы не мечтой, а клеткой. Каждый её день превращён в холодное представление: она – украшение трона, «холодная королева», которой дозволено лишь молчать и улыбаться. Но под маской послушной жены живёт искра, которую нельзя задуть. Лёд Ашара не даёт тепла, но внутри Лианы пробуждается собственный огонь, и он готов сжечь цепи.

Молчание перестает быть защитой. Придворные интриги превращаются в поле боя. А любовь, построенная на клетке, оказывается лишь привычкой боли.

И когда лёд треснет, мир узнает, что даже в самых холодных дворцах может вспыхнуть пламя.

В книге вы найдёте:

- Дворцовые интриги и политика.
- Тёмная романтика и холодный муж-дракон.
- Путь героини от «куклы при троне» до женщины с силой.
- Атмосфера льда, холода и пробуждающегося огня.
- Магические схватки, тайные заговоры, нападения.
- Лирические сцены о внутреннем голосе и свободе.



Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99122-8

© Литнет, 2026

© Стилз Л., 2026

Глава 1. Лёд в браке

Я всегда ненавидела этот зал. Его своды казались слишком высокими, как будто они были построены не для людей, а для самих богов зимы, которые однажды решили слепить себе храм из льда и мрамора. Колонны уходили ввысь, теряясь где-то в холодном сиянии хрустальных люстр, а свет от сотен свечей не грел, он только отражался в бесконечных гранях хрусталя, превращая всё вокруг в сияющую тюрьму. Казалось, что стены дышали инеем, и каждый мой вдох замерзал в груди, прежде чем стать словом.

Я сидела рядом с Ашаром – мужем, повелителем, драконом, который правил этой страной так же холодно, как глядел на мир. Его трон возвышался надо мной всего на полшага, но эта полуступень превращала меня в тень, в украшение, в нарядную куклу, которой приказывали улыбаться и молчать. Я чувствовала, как тяжёлый узорчатый подол платья давит на ноги, будто намеренно приковывая меня к месту. Красный камень в короне впивался в висок, и у меня болела голова, но, разумеется, никто этого не замечал.

Сотни гостей толпились внизу, переливаясь тканями – шелка, меха, драгоценности. Но больше всего они переливались взглядами. Эти взгляды скользили по мне, и я слышала их шёпот, даже когда он утопал в музыке.

- Холодная королева.
- Только и умеет, что сидеть.
- Пустая оболочка фамилии.

Слова липли к коже, как снег, который тает и тут же замерзает. Я старалась держать спину прямо и голову высоко, но внутри меня что-то осыпалось, как старый ледяной карниз, которому суждено рухнуть в первый же солнечный день.

Ашар сидел неподвижно, словно вырезанный из мрамора. Его длинные белые волосы спадали на плечи ровными прядями, и ни один

вихорь не смел нарушить их порядок. Глаза, цвета застывшего неба перед метелью, скользили по залу – по послам, советникам, придворным, но никогда не задерживались на мне. Иногда я пыталась поймать его взгляд, хотя бы на миг, и в груди что-то сжималось, как у ребёнка, который всё ещё надеется, что отец заметит его рисунок. Но этот мужчина не был отцом и не был мужем в привычном понимании. Он был драконом, для которого союз со мной значил лишь печать на свитке, союз двух кланов, не более.

Я вспоминала, как ещё девочкой мечтала о другом. В детстве я рисовала в воображении дом с садом, где пахнет яблоками и мёдом, где муж смеётся, поднимая на руки детей, а я держу его ладонь и чувствую, что моя жизнь принадлежит не холодному камню, а живому теплу. Тогда мне казалось, что любовь – это что-то естественное, что приходит, как весна после зимы. Но оказалось, что моя весна превратилась в вечную метель, и снег засыпал все мечты, оставив лишь пустую корону на голове.

Музыка играла, яркие, живые пары танцевали, а я сидела, как статуя, и ощущала, что у меня нет ни права на танец, ни права на слово. Моя функция – присутствовать. Быть украшением для ледяного трона.

– Ваша светлость, – раздался голос придворного советника, склоняясь к Ашару. – Послы восточных земель прибыли.

Ашар кивнул, слегка повернув голову, но даже в этот момент его взгляд прошёл мимо меня, словно меня не существовало. Я сидела рядом, и мне казалось, что я прозрачна, как лёд на реке весной, который готов треснуть.

В груди нарастала странная пустота. Я думала: если бы я исчезла прямо сейчас, если бы моё кресло осталось пустым, заметил бы он? Заметил бы кто-нибудь? Или продолжали бы этот бал, как ни в чём не бывало?

Может, именно в этот миг я впервые подумала, что моё существование – это не жизнь, а отсроченное исчезновение.

Я держала руки на коленях, пряча дрожь. Я боялась, что кто-то заметит, что в этом дворце я не ледяная, что моё сердце бьётся слишком быстро, что во мне есть что-то живое. Потому что здесь живое считалось слабостью, а слабость не прощалась.

В какой-то момент одна из придворных дам, проходя мимо, наклонилась к соседке и прошептала:

– Видишь? Она даже не смотрит на мужа. Наверное, боится.

Я слышала всё, и боялась, что однажды этот страх действительно станет моей сущностью.

И всё же я продолжала сидеть с поднятой головой, изображая королеву, которой меня хотели видеть. Пусть они называли меня холодной – я предпочитала быть холодной, чем мёртвой.

Но внутри меня шевелился другой голос. Тихий, еле слышный, но настойчивый: «Ты – не вещь. Ты – не украшение. Ты – живая».

И чем громче становились смех и музыка, тем сильнее звучал этот голос в моём сердце.

Музыка сменилась, струнные вытеснили медные, и метель вальса понеслась по залу, как если бы кто-то снял крышку со снежной шкатулки и позволил белым хлопьям кружиться до головокружения. На пол посыпались смешки, приглушённый кашель, хруст парчи. Я почувствовала, как корона подалась в сторону – неумолимый тяжёлый камень стянул волосы, и тонкая игла больно впилась в кожу, будто проверяя, действительно ли я живая, и не перепутала ли меня судьба с фарфоровым манекеном. Я осторожно поправила оправу. Не потому, что мне было больно, а потому, что здесь, на расстоянии вытянутой руки от ледяного трона, любая дрожь считалась преступлением против порядка.

Ашар был рядом. Это «рядом» измерялось полуступенью, двумя локтями и одним взглядом, которого не было. Его неподвижность не была позой, она была догмой, и я знала: мальчиком он стоял так же, когда у ледника гудели водопады, когда наставник бегло наносил на его кожу первые клятвенные знаки, когда старшие драконы

произносили имена умерших и обещали, что лёд их рода никогда не треснет. Он верил в это, как верят в северный ветер: его не надо любить, его надо признавать. И если я сидела рядом, значит, так было нужно ветру. Значит, я – отметка на карте, флажок на границе.

– Ваше ледяное величество, – поклонился посол восточных земель, человек с острым подбородком и глазами, в которых отражались горящие лампы. – Честь наблюдать ваше торжество. Погода сегодня под стать вашему дому.

– Погода всегда под стать моему дому, – сказал Ашар, и лёгкая, почти невесомая усмешка тронула его губы, не прогревая взгляд. Он даже не повёл ресницей в мою сторону. Меня будто накрыли стеклянным колпаком, и сквозь этот гулкий купол их слова доходили с задержкой, как звон в воде.

Я молчала. Я умела молчать как искусство: выравнивать дыхание, улыбаться чуть-чуть, чтобы губы не дрожали, опускать ресницы в нужные секунды, чтобы спрятать случайную искру. Политика требовала от женщин не речи, а устойчивости. А устойчивость – это тоже язык, только без слов.

За моей спиной прошелестел шлейф платья – кто-то из придворных дам нарочно наклонился слишком близко, чтобы не дать мне пространства. Их духи пахли засахаренными фиалками, и от этой сладости кружилась голова.

– Смотри, – прошептала одна, – будто изо льда точёная. Красиво. Только пусто.

– Пустота нужна для эха, – ответила другая, умная, с тихой ядовитой улыбкой. – Чтобы лучше слышать, как звучит его имя.

Они думали, что говорят вполголоса. Они ошибались. Или не ошибались. Возможно, они просто хотели, чтобы я услышала и запомнила, как правильно звучать в этих стенах: тихо, согласованно, не мешая именам тех, у кого есть право звучать громко.

К подножию лестницы подвели девушку – посланницу юга. На ней было платье цвета растаявшего золота, и на коже узоры временных

рун, выведенные умелой рукой мастера: ты наносишь узор на тело, но надеешься, что он запомнится душе. Девушка посмотрела вверх, и я увидела, как в её зрачках отражается белая кисть волос Ашара. Она, наверное, тоже мечтала. В каждом дворце полно девочек, которым кажется, что сердце повелителя – просто странный камень, который надо подольше подержать в ладонях, и он станет тёплым. Даже если это камень льда.

– Ваша светлость, – сказала она, и её голос был выученно певуч, – я привезла вам письма от наших старейшин. Они жаждут вашего благосклонного взгляда.

Я – рядом. И я – невидимая.

– Препроводите письма в Совет, – ответил он, не глядя на неё слишком долго, но достаточное для предмета внимания мгновение. Этого достаточно, чтобы девочка потом неделю не могла забыть этот случайный свет глаз. Этого достаточно, чтобы при дворе родилась новая легенда о том, кого он удостоил взгляда.

Я вспомнила, что по протоколу он обязан был взглянуть и на меня. Это был не закон, а приличие – маленькая, бессмысленная узорная кромка на рубашке официальностей. И он демонстративно сорвал эту кромку, как сорвали бы лишнюю ленточку с подарка, который сам по себе не нужен.

– Ваша королева прекрасна, – откуда-то справа возник шевалье северного клана, тонкий, как тень на снегу, и хорошо воспитанный, как ветер, скользящий по льду, не нарушая его гладкости. Он улыбнулся мне, чуть заметно, с лёгкой искрой приятельского огня в глазах, как будто предлагал согреться. – Прекрасна, как утренний иней на траве.

– Иней тает, – мягко сказал Ашар. – Поэтому его сравнение всегда оскорбительно для льда.

Люди, умеющие ловить тонкости, внутренне ахнули. Те, кто не умели, просто перевели взгляд: «Он ответил». Никто не заметил, что он вежливо оскорбил меня – сравнение с инеем было подменено

риторикой. Ему казалось забавным говорить так, чтобы я слышала, но не могла ухватиться ни за одну фразу.

Я дышала ровно. Мама когда-то учила меня: «Если тебе нечем ответить, ровность – лучшая месь». Тогда она говорила о девочках во дворе, которые дразнили меня за белые ладони и книги, вместо того чтобы бегать по лужам. Теперь я сидела в тронном зале, и урок матери оказался философией. Я подумала: мы все наследуем чужие формулы выживания, как кто-то наследует кольца с камнями, только формулы не видно на пальце.

– Позвольте, – к нам подступил сержант церемоний, – по обычаю – танец повелителя со своей королевой, чтобы благословить союз. Музыка уже...

– Сегодня благословит сама зима, – произнёс Ашар. – Её танец у нас над головами.

Люди посмотрели вверх, где висели люстры и переливался свет. Он никогда не упускал случая напомнить, что он не танцует по чужим правилам. И я не исключение.

Сержант церемоний замер на полушаге, сглотнул, поклонился и ушёл, как уходит вода в трещину. Музыка всё равно заиграла, для других, не для нас. Мне стало так тихо внутри, что я услышала, как одна за другой падают маленькие занозы в сердце. «Ты не танцуешь потому, что я – не та? – спросила я в мыслях, зная, что не получу ответа. – Или потому, что танец – это всегда хоть одно общее движение, а общего движения между нами нет и быть не может?»

– Королева, – к моему креслу склонился юный писец, – подпишите, пожалуйста, меморандум о доставке муки в северные сёла. Ваша печать дает право перераспределения.

Я любила такое. Любила, потому что здесь, в цифрах и зерне, я чувствовала себя полезной. Я поставила подпись. Юноша дрожащими руками принял пергамент, он боялся не меня, а высоты зала, и исчез. И я подумала, что иногда наша власть – это крохотная тёплая крошка, которую бросишь птицам, и они выживут. Этой

крошке не нужны аплодисменты. Ей нужен снег, чтобы не растаять слишком быстро.

– Вы видели? – слева тихо прошелестел женский голос. – Она подписывает, не прочитав второй лист.

– Так ей сказали, – ответили ей. – Так ей велели. Она хорошая кукла. Удобная.

Я, конечно, читала второй лист. Я всегда читала второй лист. И третий. И те, что не подшиты к делу. Мой удел – внимательность, потому что никто не собирается покрывать меня вниманием. Я – свой собственный свидетель. Свой нотариус.

– Госпожа, – внезапно рядом оказался мальчик-пажик, тот, которому я однажды незаметно дала персик в коридоре, когда повара ругались и выгоняли его за «лишнюю морду». Он протянул мне маленькую записку, на которой была нарисована смешная огненная птица – детская рука, неровные линии. Он прошептал: – Это вам... чтобы... ну... – и покраснел.

Я улыбнулась глазами и спрятала рисунок в рукав. Такие вещи спасают больше протоколов. Они напоминают, что мир вовсе не обязан быть целиком из льда, если у тебя в рукаве живёт смешная, криво нарисованная птица.

– Вы позволите, – к ступеням поднялась женщина из круга влиятельных – госпожа Лин, известная тем, что её языком можно было резать шёлк, и шёлк всегда был виноват. – Мы хотели бы обсудить с вами, ваша светлость, проект зимних ярмарок. Говорят, казна согласилась снизить торговые пошлины... или это сказки для согрева?

– Это решает Совет, – сухо ответил Ашар. – И совету не нужны слухи для согрева. Ему нужна дисциплина.

– Разумеется, – сказала Лин и перевела взгляд на меня. В этом взгляде не было ни уважения, ни жалости. Был интерес учёного, рассматривающего редкий кристалл, который, возможно, треснет при нагревании. – А ваша королева что думает? Снизить пошлины – значит позволить бедным покупать хлеб. Хлеб не любит ждать.

Она знала, куда бить. Я вдохнула.

– Я думаю, – сказала я, чувствуя, как слова складываются в этой холодной пустоте, – что хлеб любит тепло. А тепло – это не только деньги. Это ещё и дороги, по которым он долетит быстрее, и люди, которые его не украдут. Если Совет согласится на снижение, пусть одновременно построит складские навесы на тракте и поставит ночные дозоры. Хлеб любит приходить вовремя. Ему не нравится, когда его считают «перезимует».

Несколько голов повернулось ко мне. В их взглядах было три оттенка: «умеет говорить», «зачем она говорит», «кто ей разрешил». Ашар не повернул головы. Его молчание было как стена – без трещин.

– Вы слышали, – мягко сказала Лин, и это «мягко» было льдом тоньше стекла. – Королева любит тепло.

– Королева любит порядок поставок, – ответила я и поняла, что у меня слегка дрогнули пальцы. Я спрятала их под ткань. – И уважение к людям, которые едят хлеб, а не цитаты Совета.

Кто-то тихо фыркнул. Кто-то посмотрел на Ашара: будет ли он карать? Он не пошевелился. Игнорирование – его лучшая кара. Отсутствие реакции заставляет тебя сомневаться в собственной реальности.

Музыка взяла новый виток. Я увидела, как посланница юга – та самая с золотым платьем смеётся над чем-то, что сказал ей советник Ашара. Её смех был лёгкий, как песня ручья в оттепель. Я когда-то так же смеялась. До того, как научилась быть «подходящей тишиной».

– Позвольте, – придвинулся ближе шевалье с севера, сравнивший меня с инеем, – одна строка стиха, ваша светлость. «Кто молчит в зале льда – слышит лучше всех». Не слишком дерзко для уха дракона?

– Стихи – для охотничьих костров, – сказал Ашар. – Здесь – дворец.

– Там, где нет костров, – тихо произнесла я, – люди спят слишком рано, и им снятся не те сны.